

Ольга Батлер

ПОСЛЕДНИЙ
КОТ
В САПОГАХ

Повесть о дружбе и спасении
в блокадном городе

иллюстрации
Кати Милославской

Содержание

5	Спроси меня про Ленинград
24	Муркин сын
46	Ангел Пустые Руки
60	Миленькие, сбейте его!
73	Земля — еда, вода — молоко
79	Сказка для Рыжика
102	Крысолов
117	Колины краски
133	Город кошек
141	Послесловие от редакции

Спроси меня про Ленинград

За столиком на Малой Садовой, у самого окна, ела булочки, пила кофе и шумно радовалась жизни компания молодых людей. Юноши и девушки обсуждали, куда бы им направиться после кафе и что еще интересного можно посмотреть в Петербурге. Они говорили о нем как о малознакомом городе.

Неожиданно их внимание привлекла сценка за окном. Там несколько человек, соревнуясь в меткости, по очереди подкидывали деньги к небольшой скульптуре на углу дома.

— Опс! Еще один промахнулся!

— Это кот что ли там сидит? Ему бросают?

— Конечно. Разве не видишь? В натуральную величину...

Чугунный кот степенно восседал на подставочке над головами прохожих. Щурясь, он сквозь серенькую холодную морось следил за людьми и их взлетающими монетками.

Скульптура была неброская, так что не каждый обратил бы на нее внимание. Это других петербургских существ — драконов, водных коней и всяких там горгулий, которые не таясь красуются на фасадах и решетках города, — взгляд не пропустит. А кошки, даже если они сделаны из чугуна, предпочитают оставаться незамеченными.

— Я слышала про этого кота, — сказала одна из девушек за столиком. — Загадываешь желание и бросаешь монетку. Если обратно не упадет, то все сбудется. Сейчас еще найду про него.

Она сосредоточилась на мобильнике, а ее друзья стали говорить о разных желаниях. Они вдруг вспомнили одного своего преподавателя, который мучил их в последнюю сессию. Хоть бы он немного подобрел... или уволился. Вот о чем надо попросить котика, со смехом решили студенты. Коллективное желание — это сила.

— Слушайте. Кота зовут Елисеем, — наконец объявила девушка. — Напротив него есть еще одна скульптура, кошка Василиса...

— Ну надо же! Мы два раза мимо проходили и ничего не заметили, — перебил ее бородатый парень с модным пучком на макушке.

— Ходить-то ходили, но только под ноги себе смотрели... А в Питере надо голову почаще поднимать. Все главное как раз наверху находится.

— Да тут смотри, не смотри... Уж очень эти фигурки незаметные.

— Так кошки же!

— А что-то еще про них написано?

— Написано, только вы мне договорить не даете, — то ли пошутила, то ли вправду обиделась девушка. — Ладно, все сначала...

Это, типа, памятник кошкам, которые в годы войны спасли Ленинград от крыс. Котеек специально завезли из других городов.

— Своих не было, что ли?

— Свои все погибли во время блокады, — авторитетно заявил бородатый парень. Холеная густая борода странно смотрелась на его почти детском лице. — Общеизвестный факт. Ни одного кошака не осталось.

— Нет, не все погибли. Один ленинградский кот точно пережил Блокаду, — раздался женский голос.

Слова прозвучали совсем рядом. Студенты повернулись к соседнему столику. За ним сидели бабуля с внуком. Бабушка была обыкновенной аккуратной старушкой, таких много в Петербурге. В ее словах прозвучала обида за того выжившего кота, и молодые люди поняли: старушка знает, о чем говорит — она сама находилась там в то время.

— Извините, я не хотела вмешиваться в ваш разговор, — спохватилась пожилая женщина. В ухе у нее пластмассовой улиткой торчал слуховой аппарат.

— Ну что вы! — искренне заверили ее студенты, им очень захотелось услышать историю из первых уст. — А какое имя у того блокадного кота было? Не Елисей случайно?

Как многие туристы в Петербурге, они уже почувствовали, что внутри большого города находится еще один: тайный, оберегающий от чужих не только свои дворики, маленькие сады, каналы с темной водой, но и свое прошлое. И вот удача улыбнулась им. Этот недостижимый Питер не просто заметил их, он заговорил с ними голосом своего старожилы. Им бы затихнуть да послушать, но они раньше времени выхватили подарок, стали бесцеремонно заглядывать внутрь. Они не собирались никого обижать, просто у них было очень хорошее настроение.

— А можно мы сами догадаемся? — не унимались молодые люди. — Барсиком тот кот был скорее всего. Или... Васькой?

— Нет, я лучше знаю. Мурзиком его звали! — подхватил игру бородатый парень. Вежливую улыбку старушки он расценил как одобрение. — Я угадал?

Пожилая женщина не пришла ему на помощь. Вместо ответа она сказала своему внуку, что пора собираться домой. И сняла свой бежевый плащик со спинки стула. Может, не расслышала? Нет, ее слуховой аппарат работал исправно: она только что разговаривала с официантом, расплачиваясь за кофе.

Всем наконец стало понятно, что бабуля с характером, она не намерена развлекать незнакомую молодежь воспоминаниями про блокадного кота. Слишком уважает память о нем. И вообще эта история не из тех, что рассказывают на ходу. Но, направляясь к двери, старая женщина все же остановилась перед столиком студентов:

— Его звали Рыжиком. Иногда просто Рыжим.

Тут пластмассовая улитка в ее ухе издала слабенький, но очень въедливый писк. Господи, как только она терпит эту назойливую штуковину в своем ухе?

— Мы все собирались придумать другое имя, но так и не придумали, — словно извиняясь, сообщила старушка притихшей компании.

Бабушка и внук вышли на улицу. Полюбовавшись Василисой, которая кокетливо замерла на карнизе второго этажа, они подошли к Елисею.

— Я хочу монету к нему закинуть, — сказал мальчик.

— Сейчас, Петенька.

Старая женщина торопливо раскрыла свою сумку, чтобы найти деньги, но мальчик остановил ее. У него у самого в кошельке было полно мелочи и кое-что покрупнее имелось: родители снабдили перед поездкой.

Зажав в кулаке новенькую двухрублевую монету, Петя сосредоточенно примерился, размахнулся...

— Эх!

Сверкающая денежка упала на землю, не долетев до Елисея.

— Ты поближе встань, вот так подкинь, — с неожиданным азартом подсказала внуку бабушка.

После третьей попытки монета осталась у кота.

— Получилось! — засмеялся мальчик.

— А желание-то загадал?

— Забыл! — Петька, совсем не огорчившись, весело развел руками. — Да это и неважно!

Он просто был рад тому, что не промахнулся.

Бабушка и внук медленно зашагали по улице. С неба летели редкие снежинки, они щекотали лицо и сразу таяли на губах.

— Баб Тань, а вы ведь про своего кота им сказали, — вдруг произнес мальчик.

Но бабушка как будто не услышала его.

— А что мы завтра делаем? — погромче спросил он.

— Поедем в Петропавловскую крепость. Хочу показать тебе монетный двор, Петенька. Там твой прапрадед работал.

Пока они шли, ветер усилился, снежинки стали впиваться в лицо. Они больше не казались ласковыми.

— А еще что-нибудь там есть? — без особого энтузиазма поинтересовался внук, натягивая капюшон. Ему было зябко в Петербурге.

— Музей космонавтики. В него тоже ходим.

— Это уже получше! — оживился он, а она в который раз с любовью подметила, что Петя улыбается так же, как все в их роду — до гусиных лапок возле глаз. Ее единственный, любимый мальчик...

Баба Таня давно поняла, что петербургская история семьи, возможно, закончится на ней, одинокой старухе. И сейчас она просто утешалась мыслью о том, что успеет поводить внука по самым важным местам, из рук в руки передать ему этот город.

Она не просила судьбу о многом. Всего лишь хотела, чтобы внук заметил простор реки, особенное серебро облаков и парад прижатых друг к другу домов и не жаловался бы больше на порывы влажного ветра, который наполняет легкие густым морским воздухом. Ну, а потом... Что потом ее мальчик будет с этим делать, куда поместит этот город в своей памяти, зависело только от Пети.

Отворачивая лица от роя колючих снежинок, они вышли на угол Невского и остановились перед витриной Елисеевского гастронома полюбоваться порхающими в ней механическими ангелочками.

— Давайте зайдем. Ни разу не бывал здесь, — попросил мальчик.

Он обращался к своей петербургской бабушке на «вы». Это «вы» каждый раз медленной болью оседало в ее сердце, отмеряя дистанцию между двумя столицами и напоминая, что не она, а другая, московская бабушка, вынянчила этого мальчика.

— У себя в Москве ты не ходил в Елисеевский?

— Ходил пару раз с отцом. Вот хочу сравнить.

В магазине они сразу направились в кондитерский отдел.

— Ну, выбирай, — весело предложила баба Таня. — Вечером чаю попьем!

Петька прилип к витрине, переводя внимательны взгляд от одной сладости к другой. От похожего на цветы печенья к разноцветным

кубикам мармелада. От них — к нежным белым облачкам безе. К конфетам в больших стеклянных вазах. К пирожным в форме экзотических плодов. И к придуманным для особых случаев тортам с напудренными невесомой сахарной пылью боками, с шоколадными буквами или цифрами, с нарядными фигурками из марципана.

Баба Таня, глядя на это изобилие, почему-то вспомнила о небольшом складе провизии, который всегда имелся у нее дома. Это был запас на всякий случай. Греча, песок, сгущенка, рис, мука, макароны. Проверяя его, она каждый раз невольно прикидывала, сколько недель можно продержаться с таким набором.

Все в нем было самое простое, потому что человеку не нужны необыкновенные сладости и другие изыски. Очень голодные люди мечтают о гороховом супе, каше с маслом, пирогах, котлетах. Это грустное знание всегда было с бабой Таней, от него не спрячешься. Но она не собиралась расстраивать воспоминаниями ни себя, ни тем более Петеньку, который приехал всего на несколько дней.

***

— А мы вправду сейчас на острове?

Развалившись на стуле после чаепития, Петька снова взял в руки смартфон.

— Ну да. В очень старое время здесь даже постоянного моста не было, чтобы на Адмиралтейский перебраться, — начала с воодушевлением рассказывать Татьяна Петровна. — Царь хотел каналы сделать, как в Амстердаме. Их уже распланировали, но так и не построили, а улицы на этом месте остались, их линиями называют. А еще в наш порт корабли со всего мира приплывали. У нас на Васильевском историей каждый уголок наполнен.

— И Вы всегда в этом доме жили?

Петя обвел взглядом бабушкину комнату: старый резной буфет, пианино с двумя знакомыми царапинами, похожими на «Л». Громоздкий темный шкаф, расписанная букетиками и бабочками изящная угловая полка. Кровать в нише и раскладной диван, на котором он спит во время своих нечастых приездов.

— Я здесь родилась. И папа твой вырос. Мои воспоминания с этим домом связаны. Самая первая память вся пронизана солнышком. Я в белой вышитой кофте сижу здесь на корточках, что-то болтаю, учусь говорить. У меня в руке булавка с большой красной бусиной, я царапаю паркет этой булавкой и люблюсь пылинками, которые летают в столбике света. И тут входит отец — в косоворотке, с большим

портфелем. Он только что вернулся с работы. От него пахнет папиросами и свежей газетой, которую он принес с собой. А его портфель пахнет кожей. Я тянусь к этому портфелю. Хочу узнать, каким подарочком побалуует меня папа. Обычно это была конфета. А он берет меня на руки, подбрасывает, крепко целует...

Слушая рассказ бабы Тани, Петька тайком позевывал. Ему было скучно. Он бы с удовольствием погрузился в игру в своем мобильнике, но следующий уровень только через двадцать две минуты и три секунды. И видео здесь просто так не посмотришь. У бабушки как назло не было вайфая.

Не клеились у него разговоры с бабой Таней. Она то приставала с расспросами о школе, друзьях и отметках, то рассказывала о совершенно незнакомых и неинтересных ему людях и местах. Петербург — красивый город, конечно. Но чужой...

Петя подошел к стене с фотографиями и посмотрел на снимок мужчины в военной форме.

— Это Ваш папа?

— Да. Успел сфотографироваться перед отправкой на фронт. Тебя называли в честь него.

По соседству с прадедушкиной фотографией висел рисунок, с которого на Петю смотрел кот, он сидел на коленях у девочки. Портрет был замечательный, хотя выглядел незаконченным. Девочка и кот казались аппликацией, наклеенной на чистый лист. Художник по какой-то причине не нарисовал фон.

Краски на портрете выцвели, но глядя на оранжевую шерсть кота и пионерский галстук девочки, можно было представить, какими яркими эти акварели были раньше. Петя знал, что пионерка на портрете — это его бабушка Таня, а кота звали именно Рыжиком.

— Я хочу завести кошку, да мама не разрешает. Она не любит кошек. Говорит, они вещи портят, по квартире носятся, мяукают.

Баба Таня улыбнулась:

— Обычно кошек не любят те, кто их никогда не имел. И что же ты маме на это отвечаешь?

— Я ей отвечаю: да ты что, кошки уют вырабатывают! А мама говорит, они только шерсть и запах вырабатывают...

— Что ж, никто не идеален. Зато они очень симпатичные и преданные. Бывали случаи, когда кошки возвращались домой спустя годы, через тысячи километров. Они изменяют жизнь своих хозяев к лучшему и даже спасают их, жертвуя собой.

— А расскажите мне про Рыжика!

Но вот странно: обычно словоохотливая баба Таня не поспешила откликнуться на просьбу внука.

— Не разобрала, что ты сказал, Петенька... — пробормотала она, собирая посуду на поднос. — Аппарат мой барахлит.

— Расскажите про своего кота! — закричал Петька. — Это ведь он блокаду пережил?

Баба Таня вздрогнула от его крика, но не перестала заниматься блюдечками и чашками. Она изо всех сил старалась казаться спокойной, чтобы Петенька не заметил ее задрожавшие руки:

— Ну чего тут рассказывать... Жил, жил и пережил... Да.

— А почему ...

— Что?

— Ну, ведь другие кошки погибли...

— Подожди, мне посуду надо помыть.

— Подожду.

Угукнув, Петька снова взялся за мобильник и воткнул в уши крошечные наушники. Ему предстояло спасти от гибели человечка, который бегал на экране. Бедолаге по очереди угрожали паук, злая собака, акула с острыми зубами и другие напасти. В наушниках раздавались то лай, то шипение, то вопли о помощи. Человечек погибал, но мальчик сильно не расстраивался. Скоро уровень перезагрузится, появятся запасные жизни, и можно будет играть по новой.

Тем временем баба Таня, собрав все со стола на поднос, брела длинным полутемным коридором на коммунальную кухню. Хотя она шла медленно, сердце ее колотилось быстрее обычного. Что делать с просьбой внука? Петенька уже не маленький, но хватит ли ей самой сил расшевелить ради рассказа то далекое прошлое и не заболеть после этого? Вот и пол уже закачался под ногами, как лодка. И шершавая краска на стене оцарапала щеку и висок. И, ох... чайная ложечка упала с подноса. За ней соскользнул, разбился заварной чайник.

— Татьяна Петровна, вам плохо?

Рядом с распахнутой дверью стояла соседка.

— Ничего, ничего. Сейчас пройдет эта... качка, — успокоила ее и себя баба Таня. — Голова закружилась.

— Я вам стул вынесу!

В комнате, где распахнута дверь, раньше жила девочка с хулиганскими глазами. У нее были рыжие ресницы, много веснушек и золотисто-каштановая прядь, схваченная заколкой. Баба Таня попыталась вспомнить ее улыбку. Да чего мучиться! — вот же она, Майка, крутится в светлом прямоугольнике дверного проема, словно и не прошло много лет. На ней знакомое темно-синее платье в полоску. В руках — кукла с белыми кудрями.

— Пойдем на улицу, в магазин играть?

— Пойдем! — весело согласилась Таня.

— А тебя отпустят? У вас же гости! — спохватилась Майка. Для нее Таня была не пожилой женщиной со слуховым аппаратом и одышкой, а тонконогой звонкой девочкой. Такой же, как она сама.

— Конечно, отпустят. Надоело мне с ними за столом сидеть, — махнула рукой Таня. — Они только пьют, едят и разговаривают.

Из-за Майкиной спины высунулась круглая голова Сережи. Братика Майи все называли Сергеем Ивановичем. Сначала его родители, когда еще жили здесь, шутя обращались к новорожденному сыну по имени-отчеству, а потом и соседи подхватили: «Сергей Иванович, опять ты без штанов бегаешь?», «Сергей Иванович соску свою потерял!». Привыкли так его величать, и уже никому это не казалось нелепым.

— Я с вами! — важно объявил он, выбегая в коридор. Его коротенькие ножки бойко затопали по полу.

Майка бросилась было за братишкой, но тут солнечный свет в проеме заслонила дородная женская фигура с папирсой.

— Серго, Майя! Какой еще улица? — спросила она, выпуская облако белого дыма.

Майкина бабушка часто ругала внучку, а внука она баловала. Манана растила детей одна. Ну, и дядя Георгий ей помогал, когда не был на работе. Сергей Иванович, который родителей не помнил, называл его папой. По-грузински «папа» звучит, как «мама». Получалось, что дядя стал для племянника и мамой, и папой.

— Бебо¹, ну, пожалуйста, — заканючила Майя перед бабушкой, складывая губы трубочкой. — На полчасика.

— Сказал: нет! Ты уроки не сделал. И письмо пора писать, забыл совсем?

Каждый месяц четырнадцатого числа Майка под присмотром Мананы писала письмо товарищу Сталину, в котором просила отпустить ее родителей домой, потому что она и маленький брат сильно скучают по ним, а бабушка Манана тоскует по любимому сыну, их папе. «Честное пионерское слово, дорогой Иосиф Виссарионович, мои родители ничего плохого не совершали!» Майка уже двадцать таких писем написала.

— Я ничего не забыла, все вечером сделаю, — пообещала она бабушке. — Бебо, но ведь ты сама сейчас в гости идешь!

Манана неодобрительно посмотрела на внучку и, закатив глаза, выпустила вверх очередную струйку дыма.

— Боже, дай сил воспитать эта девочка! Я сумасшедшим буду...

Тут Сергей Иванович, подбежав, обнял бабушку за ноги, спрятав лицо в ее юбке, и Манана растаяла.

— Чэмо сицоцхле², — она ласково погладила волосенки внука, а Майе строго бросила. — Полчас!

— Ура! Таня, идем! — возликовала Майка.

Растопырив руки и сделав два шага навстречу своей бабушке, она изобразила коротенький испанский танец, похожий на движения матадора перед быком.

— Ля-ля-а, риори-ита!

Ее голова была гордо запрокинута, грудь выпячена. Она так грациозно танцевала, что Таня вдруг поняла: Майя станет красавицей, когда повзрослеет.

— Вот мэтичара³ растет, — проворчала Манана. Возможно, она хотела осудить внучку за излишнее кокетство, но почему-то только тепло было в ее голосе и только гордость в глазах...

— Татьяна Петровна!

Вместо Мананы и Майки в коридоре снова стояла соседка. У нее в руках были осколки чайника.

— Может, скорую вызвать?

— Нет-нет, спасибо, уже проходит. Я справлюсь...

— Я справлюсь, — тихонько пообещала самой себе Татьяна Петровна на кухне, пока мыла чашки. Ей совсем не хотелось говорить с Петенькой о грустном. Но если она не поделится сейчас воспоминаниями, они исчезнут навсегда после ее смерти. Значит, время пришло. Тем более мальчик сам попросил.

— Все будет нормально, — убеждала себя баба Таня, когда шла обратно по коридору. — Да.

У этого коридора тоже была своя память. Вот Обиженный Сундук в углу. До войны жильцы их коммуналки переживали на нем свои огорчения. Когда вся семья ютится в одной комнате и вспыхивает ссора, то вынести обиду, хлопнув дверью, можно было только в коридор. На сундуке сживали и рыдающая Майка, и ее маленький брат, и Богдановичи по очереди: то старая Ксения Кирилловна, то тетя Шура. Колины бабушка и мать часто ссорились между собой.

¹ Бабуля (груз.). Здесь и далее — прим. авт.

² Жизнь моя (груз.)

³ Кокетка (груз.)

Вернувшись в комнату, баба Таня спросила внука:

— Ты на самом деле хочешь узнать?

— Что?

— Про кота.

— Что Вы сказали? — не понял он, вынимая наушники из ушей.

— Ну вот, теперь ты ничего не слышишь, — усмехнулась она, но повторила вопрос.

— Конечно, хочу! — особо не задумываясь, кивнул мальчик.

Он даже не остановил игру.

— Тогда отложи мобильник и садись рядом.

Баба Таня тяжело опустилась на диван, и Петя наконец понял, что историю, которую она собралась рассказать, ей придется доставать из самой глубины своего больного сердца:

— Рыжика мы нашли во дворе, играли там с Майкой. Он совсем крошечным был, когда я его принесла домой. Так совпало, что моя мама отмечала день рождения и все соседи сфотографировались на память.

Татьяна Петровна попросила внука достать фотоальбом из буфета:

— В левом углу должен стоять, бархатный такой, красный. Только пузырьки мои не разбей.

Приоткрыв застекленную дверцу, Петя почувствовал запах старых духов и корвалола. Осторожно, не касаясь локтем склянок с лекарствами, он вытащил альбом и снова уселся рядом с бабушкой. Баба Таня раскрыла тяжелые страницы, начала перебирать фотографии, которые лежали между ними.

— Посмотри, здесь Рыжик взрослый, — она передала Пете снимок, где кот с разорванным ухом сидел на широком подоконнике бабушкиной комнаты. Окно со старыми рамами и щеколдами и сам подоконник с тех пор мало изменились. Взгляд у кота был очень внимательный, почти человеческий. Это было заметно даже на выцветшей фотке. «Два месяца после снятия Блокады», — прочитал мальчик старательно выведенную школьным почерком надпись на обороте.

— Разве «блокада» не с маленькой буквы пишется?

— По правилам — да, но люди пишут с прописной. У меня рука не поднимается это слово с маленькой написать... Я и произношу его с большой буквы... Вот, нашла.

Баба Таня вынула из пачки снимков то, что разыскивала — еще одну любительскую фотографию. На ней стояли две девочки и два мальчика: один большой, уже подросток, и другой — совсем маленький.

— Это я с Рыжиком, — она показала на светловолосую девочку, которая прижимала к груди крошечного котенка. — Хотя тогда он был еще без имени. В наше время мало кто морочил себе голову, выдумывая клички для своих животных. Почти все кошки были Мурками, а коты — Васьками и Барсиками. И потом никто и не думал, что котенок у нас останется... Да.

Бабушка медленно повела пальцем по снимку:

— Это моя подружка Майка, в соседней комнате жила. Рядом ее младший братик Сережа. А это Коля Богданович, — она показала на большого мальчика. — Он тоже был из нашей квартиры. Мечтал стать художником. Нет, неправильно я говорю... Он уже тогда был художником и учился, чтобы нарисовать много других замечательных картин. Мой портрет с Рыжиком — его работа. Он все время рисовал, на улице почти не играл. Не то что мы...

Баба Таня улыбнулась своим воспоминаниям о друзьях и родном дворе. Зимой они делали в сугробах пещеры, или катали друг друга на санках, или просто падали в снег — от кого лучше отпечаток получится. И возвращались домой с раскрасневшимися лицами и висевшими из-под шапок сосульками волос, с задубелыми от мороза варежками, которые тяжело раскачивались на резинке.

Уход зимы они чувствовали острее взрослых. Может, потому что все время проводили во дворе и были ближе к земле. Запах таяния, свежие почки на кустах (дети, конечно, пробовали их жевать), жуки в спичечной коробке и «секреты», закрытые стекляшкой клады с красивыми фантиками — это была весна.

Они в любую погоду бегали по двору. Там, где сейчас стоянка машин, раньше находился сарай. Дети носились по всему пространству двора между этим сараем и подворотней. Домой их загоняли только вечером.

Игры начинались со считалки:

Эни, бени, рики, таки,

Турба, урба, синтибряки,

Эус, бэус, краснобэус,

Бац!

Эти слова казались волшебным заклинанием, оно было известно только посвященным. То есть им, детям.

Подрастая, они тайком от родителей узнавали мир за пределами двора. Улица выманивала их из подворотни звонками трамваев, шумом автомобилей и гомоном толпы. Иногда они отваживались путешествовать далеко.

Дошли даже до кладбища, рассматривали там памятники с такими древними датами, что захватывало дух. Читали, запинаясь, надписи на надгробиях. Многие слова были стерты временем, добавок непонятны из-за старой орфографии с ее «ерами»¹ и «ятями»². Но одна фраза врезалась в память: «Смерть разлучила, смерть соединитъ». Этот грустный шепот, увековеченный в камне, тронул сердце...

Вокруг почему-то стояла тишина: не чирикали птицы, не шумела листва, и каждый шаг сопровождался громким треском сухих веток под ногами. На одной могиле дети увидели гранитный гроб на каменных звериных лапах. Его украшали необыкновенные цветы, их тонкие фарфоровые лепестки выглядели как живые. Создавший такую красоту мастер был не только талантливым, но и очень усердным.

На кладбище оказалось много заброшенных склепов с надстройками в виде часовенок. А у настоящей большой часовни с маковкой и тройными высокими окнами толпились люди. Вместе с пожилыми тетеньками стоял мальчишка. Он заметил ровесников и сразу спрятался за спины богомолок.

Дети смеялись, оборачиваясь на него: поклоны бить пришел! Эта кладбищенская грусть, кресты и мудреные молитвы не имели к ним никакого отношения. Они будущие пионеры и в ерунду не верят. Но вдруг им показалось, что кто-то наблюдает за ними из-за кустов. Призрак? Бандит? Нет, то был мраморный ангел с отбитым крылом. Он сидел у полуразрушенного склепа и укоризненно смотрел на них...

— И вы не боялись гулять одни?

— Взрослые все вместе за нами присматривали: и за своими, и за чужими. Люди тогда проще жили, одной большой семьей. Представь, во дворе в разгар какой-нибудь лапты или чижика мы могли постучать в любое окно и попросить воды...

Прошлое никуда не делось. Оно всегда находилось рядом, на расстоянии вытянутой руки. Граница между ним и настоящим была

¹ «Ер» — название буквы «Ъ», или твердого знака, до орфографической реформы 1917—1918 годов. После реформы твердый знак больше не использовался на конце слов; сохранилась лишь его разделительная функция.

² «Ять» — название буквы «Ѣ», обозначавшей особый звук, впоследствии совпавший с «е» (существовала до реформы 1917—1918 годов).

тонкой, как прозрачный занавес. Она начала таять, таять и... действие перенеслось в то далекое лето. Вот он, старый двор, залитый теплом и солнечным светом! На верхушке большого тополя разогретый летний воздух дрожит вместе с листвой, а на земле медленно наползают друг на друга короткие полуденные тени.

В тот погожий день многие окна были распахнуты. Из коммунальных кухонь неслись ароматы готовки: котлет с чесноком, щей и супов с копченостями. На втором этаже женский голос пел из патефона, который стоял на подоконнике. Звук эхом разносился вокруг. Пластинку ставили снова и снова, и весь двор уже наизусть выучил слова песни про кукарачу¹.

Было воскресенье. Из полуподвального окна раздавались крики: это Федора, как всегда по выходным, громко ругала своего непутевого мужа. Он, пьяный, бубнил что-то в ответ.

Молодые мамы сидели рядом с песочницей, присматривая за карапузами. Старики играли в домино. Среди них выделялся инвалид дядя Митя с браво закрученными кверху усами. Он потерял ногу на войне с Германией и теперь носил деревянный протез на шарнире.

Когда дядя Митя вставал и, опираясь на костыль, с трудом передвигался по двору, его искусственная нога скрипела: скик-крик, скик-крик. Все во дворе знали этот звук, его ни с чем нельзя было спутать.

Мальчишки любили слушать рассказы дяди Мити о войне и даже просили разрешения потрогать его необыкновенный протез. А он иногда поручал им купить ему на улице кваса или чего-нибудь съестного, и они сразу бежали в подворотню — гордые, что им доверены деньги.

Чаще всех рядом с инвалидом крутились главные дворовые хулиганы Санька Ферт и его младшие братья-близнецы Свист и Буза. У мальчиков, конечно, были человеческие имена. Глупыми воровскими кличками сыновей наградил отец, взяв их из фильма о беспризорниках. Эту троицу еще называли Федориным горем. Их мать Федора билась в одиночку и с ними, и с пьяницей-мужем, и с бедностью. Она без конца одалживала у соседей деньги.

Братья не хотели слушать никого на свете и уважали только дядю Митю. Втайне они мечтали пойти на войну и стать такими же героями,

¹ «Кукарача» (исп. La Cucaracha, «таракан») — русскоязычный вариант шуточной народной испанской песни. Исполняла Клавдия Новикова.

как он. Но сейчас дворовые хулиганы были заняты важным делом: они о чем-то сговаривались за поленницей с другими мальчишками, сбиваясь в стаю. Наверное, на войну с соседним двором собирались.

На лавке важно сидели куклы Наташа и Маша с белыми кудряшками. Они дожидались обеда. Их хозяйки, устроившись на разложенном на траве покрывале, играли в магазин. Девочки покупали друг у друга продукты, чтобы приготовить этот самый кукольный обед, и взвешивали товар на игрушечных весах.

— Мне полкило песка, — тоном взрослой покупательницы просила Майя. — И литр молока.

— Сейчас сделаем, — так же солидно отвечала ей продавщица Таня.

Продукты были ненастоящие. Молоко — простая вода в бутылки с узким горлом. Сахарный песок — из дворовой песочницы. Майин братишка насыпал его в кузов игрушечного грузовика. Водитель Сергей Иванович серьезно относился к своей работе, он без опоздания продукты в магазин доставлял.

Подпевая патефону, Таня быстрыми движениями пристроила гирю на одну чашку весов, отсыпала товар на другую. Подождала, пока коромыслице перестанет колебаться, и добавила еще немного. Она хотела быть похожей на ловкую и всегда веселую продавщицу из булочной на углу Наличного переулка, куда они иногда ходили с мамой.

— Вот, пожалуйста, ровно полкило!

— Сколько я вам должна? — спросила Майя, прищурившись на солнце. Она держала наготове потрепанную дамскую сумочку со сломанным замком, там лежали игрушечные деньги — листья и маленькие камешки.

«Не все, что с колесиками, обязано ездить», — ворчал папа, занимаясь починкой.

Но сегодня он был в хорошем настроении и просто взял с Тани честное пионерское слово, что она больше не разрешит Сергею Ивановичу превращать его счетную доску в средство передвижения.

— Так... За песок — одиннадцать рублей, за молоко — пять рублей десять копеек. Итого с вас шестнадцать рублей десять копеек... Дама, только будьте любезны без сдачи: у меня мелочи совсем не осталось!

Потом девочки кормили кукол кашей. Сергей Иванович захотел им помочь и тоже поднес палочку к кукольным ртам.

— Там невидимая горчица.

— Сережа, куклы не хотят твою горчицу.

— Тогда дам им шоколада.

Он с лукавой гримасой задрал свою рубашку и показал большое родимое пятно на животе. Бабушка Манана, когда целовала внука в это коричневое пятно, говорила, что это у него шоколадка там спрятана.

По двору, пританцовывая под «Кукарачу», прогуливалась Люся Сахарная Головка. Ее прозвали так из-за головы, похожей на длинный слиток сахара конусной формы. Говорили, что, когда Люся рождалась на свет, ее тянули за голову щипцами.

Таня представляла огромные сахарные щипцы. Разве можно так с младенцем обращаться? Вот и повредили Люсе голову. Дворовая дурочка часто городила чепуху, смеялась и плакала без причины. Но дети знали, что она никому не сделает ничего плохого. Сахарная Головка была доброй. Постояв рядом с женщинами, она направилась к Тане и Майке.

— Что едим? — спросила Люся. В ее волосах торчал белый цветок.

— Манную кашу, но это по-игрушечному, конечно. Не по-настоящему, — на всякий случай объяснили девочки.

— Я кашу всякую люблю. Манную, пшеничную, из гречи... — перечисляя, Люся счастливо улыбалась щербатым ртом. А Сергей Иванович, которому надоело возить песок, громко зашептал сестре:

— Почему она Сахарная? Она что сладкая, как я?

Девчонки прыснули со смеху и виновато поглядели на Люсю: слышала или нет?

Сергей Иванович усадил пообедавших кукол в свой грузовичок, стал катать их по кругу, изображая звук мотора:

— Тыр-тыр-тыр!

Куклы тряслись в кузове, размахивая своими игрушечными руками-ногами, то и дело валились друг на дружку. Люся смеялась. Ей нравилось находиться с детьми, ведь она сама была вечным ребенком.

— Ой...

Дурочка вдруг спрятала свое лицо в ладонях. Отняв их, опять посмотрела на грузовик с куклами. Ее рот исказило горе.

— Ой... Страшно, как страшно... — запричитала она. — Ой, мамочки мои, что делается... Мертвые живым из кузова руками машут. Живые землю едят... Земля — еда, вода — молоко!

Испугавшись Люсиных криков, дети отбежали подальше. Сергей Иванович спрятался за сестру. А Сахарная Головка побрела в сторону подворотни, громко переживая свое страшное видение.

— Люди добрые... Беда, беда-то какая! Не хочу туда!

Дурочка ушла, остался только брошенный ею цветок. Но девочкам расхотелось играть в кукольные путешествия. И Сергей Иванович застыл с оттопыренной губой и полными слез глазами. Майя обняла брата.

— Не бойся, Люся всегда глупости говорит.

— Конечно, глупости! — Таня решила отвлечь мальчика. —

Сережа, а давай весы проверим, точно ли они взвешивают.

Сразу передумав плакать, Сергей Иванович принялся грузить разнокалиберные гири в чашки весов. Таня присела рядом, объясняя мальчику, как их уравновесить.

Ей тоже было не по себе после Люсиной выходки: и что такое дурочке привиделось? Но она умела не расстраиваться из-за ерунды. Этому ее научила мама: «Если унываешь, подумай о трех вещах, которые могут тебя прямо сейчас обрадовать. Пусть это даже будут совсем маленькие вещи. Они перед тобой, просто ты их не ценишь, потому что привыкла к ним».

И Таня постаралась смотреть только на хорошее. Ведь его полно вокруг. Вот прямо сейчас: лето, родной двор, Майка рядом, игра. Считать можно и дальше!

Вокруг стало очень тихо, даже ветер замер в макушке тополя. Такая тишина случается в театре. Короткая пауза нужна, чтобы подготовить внимание зрителей для следующего действия. Мгновение прошло, и двор ожил: снова стали слышны музыка, разговоры, стук костяшек домино, крики мальчишек, смех. Но к привычным звукам добавился новый: из-за сарая раздавался слабый писк.

Майка толкнула Таню:

— Слышала? Ребенок плачет.